КИТЪ.

А правда ли, что китъ–рыба плескомъ своимъ топитъ судно? Правда, потому что это дѣло бывалое — но случается очень рѣдко: было этому, за память человѣческую, всего едвали съ пятокъ примѣровъ.

Китъ не рыба, потому что дышетъ не жабрами — которыхъ у него нѣтъ, а дышетъ и пускаетъ паръ верхними ноздрями или дыхалами; эти два дыхала, кругловатыя диры, у него на лбу. Китъ не рыба и потому, что рожаетъ дѣтенышей и кормитъ ихъ молокомъ. Вѣдь и моржъ и тюлень въ водѣ живутъ, да не рыбой же ихъ звать за это.

Китъ бываетъ длиной саженъ двадцати и побольше. Его бьютъ китоловы, для китоваго уса, который у него вмѣсто зубовъ и десенъ, да еще болѣе для ворвани. А бьютъ его съ лодки, либо прямо съ судна, острогой бросклъмъ, въ кидку; острога эта на длинной бичевкѣ, которая крѣпится за банку шлюпки; раненый китъ нырнувъ

таскаетъ за собою шлюпку, а какъ придетъ ему время перевести духъ, то опять выплываетъ на верхъ; тогда стерегутъ его и подъѣхавъ на греблѣ опять всаживаютъ другую острогу. Измучивъ его такимъ образомъ, ждутъ, чтобы онъ изошелъ кровью, а потомъ тутъ же въ морѣ пазятъ и пластаютъ и жиръ укладываютъ въ бочки.

Что китъ, нырнувъ, опрокидываетъ шлюпку, или даже взмахомъ плеска вскидываетъ ее къ верху, это также изрѣдка случалось; а хотя ежегодно изъ разныхъ государствъ выходитъ не одна сотня китобойныхъ судовъ, но чтобы китъ разбивалъ парусное судно, этому, какъ мы сказали, примѣровъ не много.

Лѣтъ тому 30 англійскій китобой Эссексъ увидалъ большаго кита, который нырнулъ и, показавшись опять близь судна, пустился на него стрѣлой: онъ ударилъ головой въ носъ судна, такъ что сбилъ съ ногъ весь экипажъ, и проползъ подъ килемъ, отчего судно дрожало во всѣхъ составахъ. Китъ показался съ другой стороны, опять нырнулъ и исчезъ. Но сильная течь

показалась; бросились къ насосамъ; чудовище снова появилось, взбивая вкругъ себя волну и пѣну и щелкая огромною пастью; не успѣли опомниться на Эссексѣ, какъ китъ вторично ударился головою объ носъ судна, которое и начало тотчасъ же тонуть. Экипажъ едва только успѣлъ броситься въ гребныя суда, изъ коихъ одно только спаслось отъ гибели, встрѣтивъ, послѣ страшныхъ бѣдствій и голода, купецкое судно; остальныя шлюпки пропали безъ вѣсти.

Въ 1848 году перувіанскій купецкій бригъ, находясь въ Тихомъ океанѣ почти подъ экваторомъ, дрогнулъ такъ, будто набѣжалъ на мель; капитанъ Спливоло и команда переполошились, но вскорѣ увидѣли, что они на глубинѣ бездонной и что толчкомъ этимъ угостилъ ихъ поплывшій въ сторону китъ. Онъ играя пускалъ двойнымъ фонтаномъ пѣну изъ дыхалъ, будто ни въ чемъ не провинился. Но шутка эта обошлась дорого капитану Спливоло и командѣ: бригъ былъ проломленъ и течи ничѣмъ нельзя было

удержать. Пробившись безъ малаго сутки, экипажъ покинулъ затопающее судно и спасся на гребныхъ судахъ. Цѣлую недѣлю они бѣдствовали въ открытомъ морѣ, но наконецъ всѣ въ цѣлости прибыли въ портъ. Можетъ статься, впрочемъ, въ этомъ случаѣ китъ и не думалъ обижать плавателей, а сами они на грѣхъ натолкнулись, можетъ–статься онъ дремалъ, а бригъ прозѣвалъ его и самъ на него натолкнулся.

Китобойный бригъ Александра, въ августѣ 1851 года встрѣтилъ большаго кита, въ Тихомъ океанѣ, также невдалекѣ отъ экватора, и выслалъ противъ него лодки свои, съ народомъ и снарядами. Первая шлюпка подошла къ нему: забойщикъ стоя на носу шлюпки, пустилъ броскомъ острогу; китъ, неговоря худаго слова, оборотился къ своему непріятелю, разинулъ трехсаженную пасть и, захвативъ ею всю носовую часть шлюпки, раздавилъ какъ орѣшекъ. Ловцы бросились въ море и были подобраны тотчасъ другою лодкою. Подумавъ, они рѣшились подойти къ

чудищу въ другой разъ: много били они на вѣку своемъ китовъ, но никогда съ ними не случалось того, что нынѣ. Подошли, пустили острогу — и сердитый звѣрь приговорилъ ихъ къ такому же наказанію, какъ первыхъ: и эту лодку онъ также раздавилъ, а люди насилу спаслись въ третью. Между тѣмъ бригъ Александра подошелъ, капитанъ, не разсудивъ болѣе отдавать киту шлюпки свои на закуску, но не желая также упустить хорошей добычи, придержался поближе къ киту и приказалъ пустить въ него острогу прямо съ брига. Дважды китъ прошелъ мимо брига, но не довольно близко, а притомъ капитанъ хотѣлъ повыждать, чтобы дать раненому звѣрю уходиться; въ третій разъ онъ подвернулся довольно ловко, острога пущена и глубоко вошла въ толщу жирнаго тѣла. Но звѣрь въ ту же минуту оборотился, нырнулъ — и бригъ дрогнулъ всѣмъ составомъ, будто набѣжалъ на камень. Вода съ шумомъ полилась въ трюмъ, въ большой подводный проломъ. Нельзя было и подумать о задѣлкѣ; девять

человѣкъ и десятый капитанъ, составлявшіе весь экипажъ брига, едва успѣли кинуться въ послѣднюю шлюпку свою, не взявъ даже ни сухарей, ни воды. Бригъ пошелъ ко дну. На счастье бѣдняковъ, китъ смиловался надъ ними и оставилъ ихъ въ покоѣ; еслибы онъ перекусилъ и эту, послѣднюю лодку, тогда какъ уже весь бригъ пошелъ ко дну и на всемъ видимомъ протяженіи моря не было видно ни былинки, то конечно ловцы наши погибли бы поголовно. Они носились трои сутки по океану, когда наконецъ встрѣтили американское судно, которое приняло и отвезло ихъ въ ближайшій портъ.

Китъ самое огромное животное на морѣ и на сушѣ. При длинѣ его въ 18 и 20 сажень, онъ въ обхватъ будетъ болѣе десяти сажень, а вѣсомъ супротивъ двухъ сотъ быковъ. Онъ рожаетъ по одному, много по два китенка; сосцы у него спереди, на груди, и онъ поворачивается бокомъ, когда ими кормитъ. Кожа на немъ почти черная, гладкая, безъ шерсти и безъ чешуи. Головища занимаетъ чуть не треть всего туловища; въ открытую пасть его могла бы

войти на веслахъ любая шестерка, съ народомъ. Супротивъ груди у него гребки или ласты, по одному на сторонѣ, длиною въ сажень или болѣе: плескъ раздвоенный, на двѣ половины, лежитъ не на ребро какъ у рыбы, а плашмя; каждая половина его растянулась сажени на полторы. Глаза у него небольшіе, мало чѣмъ больше коровьихъ; вмѣсто ноздрей дыхала, на лбу или на темени; по этому китъ, задремавъ на водѣ и опустивъ рыло въ воду, дышетъ свободно. Какъ у насъ зимой отъ духу валитъ паръ, такъ и китъ почти безпрестанно въ оба дыхала пускаетъ двумя снопами воду, паръ и пѣну; по этому китъ и примѣтенъ издалека. Пасть у него съ избу, а глотка и вся съ кишку пожарной трубы! Глядя на это, поневолѣ скажешь: охота смертная, да участь горькая. Чудищу этому ничего не проглотить, кромѣ молявки да разныхъ морскихъ червячковъ и слизняковъ. Зубовъ нѣтъ у него; а вмѣсто того поставлены частоколомъ мохнатыя пластинки, называемыя усомъ. Вотъ богатырь нашъ захватитъ пастью что Богъ

пошлетъ, процѣдитъ воду сквозь мохнатаго частокола, а что завязнетъ подъ заборомъ, то ему и пожива. Голосу у него нѣтъ, онъ нѣмъ, какъ рыба, но грозно шумитъ, выгоняя пѣну въ дыхала.

Когда китоловъ увидитъ съ марсу кита, то подходитъ къ нему и спустивъ двѣ, три шлюпки, съ гребцами и забойщиками, отправляетъ ихъ на звѣря. Очередная шлюпка подходитъ первая и забойщикъ, стоя на носу, пускаетъ въ кита острогу шагахъ въ восьми, не далѣе, чтобы она глубже впилась въ мясо. Острога эта привязана къ линю, который сложенъ въ шлюпкѣ чистой бухтой, чтобы могъ высучиваться свободно. Шлюпка держится въ это время съ большою осторожностію на веслахъ, съ боку кита, чтобы не попасть ему подъ плескъ, и въ ту минуту какъ забойщикъ пуститъ изъ рукъ острогу, ударивъ во всѣ весла, отгребаетъ прочь. Раненый звѣрь ныряетъ и быстро идетъ на побѣгъ: на всѣхъ шлюпкахъ и на суднѣ подымается страшный крикъ ура! На забойной лодкѣ одинъ смотритъ за

чистотой бухты, изъ которой китъ сучитъ линь, такъ что бортъ дымится, а гребцы гребутъ во всѣ весла вслѣдъ за бѣглецомъ. Иногда выпускаютъ 200, или 300 сажень линя; бѣда, коли онъ ляжетъ на бортъ, съ боку шлюпки: тогда ее опрокидываетъ. Раненый китъ бѣжитъ подъ водою со скоростію 8–ми или 9–ти узловъ. Бѣда также коли въ бухту лопаря попадетъ человѣкъ: англійскій китобой Скоресби, побѣдившій на вѣку своемъ 332 кита, разсказываетъ два случая: одному забойщику оторвало руку, другаго вовсе высучило за бортъ и хотя линь тотчасъ обрубили, но никто болѣе бѣдняка этого не видалъ.

Пробитый острогою китъ, нырнувъ, остается отъ четверти до получаса на глубинѣ: долѣе ему терпѣть нельзя и онъ всплываетъ, чтобы перевести духъ. Тутъ–то его стерегутъ со всѣхъ шлюпокъ, ударивъ въ весла, подходятъ вплоть и со всѣхъ сторонъ всаживаютъ броскомъ по вольной острогѣ, безъ лопаря. Звѣрь ныряетъ въ другой разъ; но ослабѣвъ, выходитъ уже

скорѣе и пускаетъ дыхалами, вмѣстѣ съ пѣною, кровь. Съ крикомъ ура! лодки опять подходятъ и принимаютъ чудовище на копья или рогатины; дыхалами подымается снопомъ почти одна кровь, которою заливается и окрашивается море во всей окружности; издыхая, богатырь хлещетъ плескомъ своимъ по водѣ, взбивая волны — и оборачивается бокомъ; громкое ура ловцовъ провожаетъ послѣдній вздохъ его.

Вся охота эта за китомъ иногда оканчивается въ часъ, два или три, а иногда и въ сутки не справятся съ нимъ; а бываетъ и то, что онъ вовсе уходитъ, съ острогами, и уноситъ сажень двѣсти линя.

Убитаго кита буксируютъ къ судну, придерживаютъ и поворачиваютъ какъ нужно талями и оттяжками, а рабочіе ходятъ по немъ въ сапогахъ съ желѣзными шипами, какъ у насъ по льду на базлукахъ. Съ одного звѣря набираютъ сала, на ворвань бочекъ 30; мясо его негодится, но его ѣдятъ гренландцы, чукчи и колоши. Для полнаго груза ворвани на порядочное судно, требуется до десяти китовъ, но

такой богатый уловъ рѣдко кому достается на долю.

Говорятъ, что дикари въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ходятъ на кита въ одиночку и справляются съ нимъ такимъ образомъ: когда китъ подплываетъ близко къ берегу, то дикарь кидается за нимъ вплавь, припасая два деревяные кола и долбню или колотушку. Онъ подплываетъ къ киту, осторожно взбирается на него и подошедши къ головѣ, вдругъ затыкаетъ коломъ и заколачиваетъ одно дыхало. Китъ тотчасъ ныряетъ, но вскорѣ выходитъ опять на верхъ: дикарь поджидаетъ его, въ лодкѣ или вплавь, опять взбирается на него и заколачиваетъ ему послѣднее дыхало: черезъ полчаса не съ большимъ китъ задыхается и его буксируютъ къ берегу.